

Б. Н. Флоря

Институт славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия rillen@mail.ru

О РУССКИХ ПРОЕКТАХ АНТИОСМАНСКОЙ КОАЛИЦИИ (1679–1680 г.)

В статье показаны попытки русской дипломатии в годы русско-османской войны создать коалицию европейских государств для борьбы с османской экспансией в Восточной Европе.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Польша, Австрия, Франция, антиосманский союз

70-е годы XVII в. — время резкого усиления османской экспансии в Восточной Европе, что со всей остротой поставило перед главными восточноевропейскими державами региона — Россией, Польско-Литовским государством, Речью Посполитой — задачу, как добиться прекращения этой экспансии и установления мира. Один из путей к этому виделся в создании большой коалиции государств христианской Европы в противостоянии миру наступающего ислама. С такими призывами, как известно, обратились в 1672 г. послы Алексея Михайловича во многие европейские государства. Целый ряд подобных обращений исходил и от Речи Посполитой, которая первой в 1672 г. подверглась нападению османов. Разразившийся в том же 1672 г. общеевропейский конфликт, начавшийся с нападения французской армии на Голландию, способствовал тому, что какого-либо позитивного отклика на эти обращения не последовало.

Одновременно обсуждался вопрос о военно-политическом союзе России и Речи Посполитой для отражения османской экспансии. Как известно, договор о таком союзе был заключен в Москве в конце 1667 г. и предусматривал, что царь направит 25-тысячную армию на соединение с войсками Речи Посполитой между Днепром и Днестром. Глубокий внутривосточный кризис Польско-Литовского государства и слухи о связях одной из борющихся за власть группировок с османами способствовали тому, что в новом договоре 1672 г. говорилось о сотрудничестве двух государств в борьбе с османами, но условие о соединении («случении») армий двух государств было опущено [Флоря, 2018, с. 74–78]. Вопрос о заключении нового договора и соединении военных сил обоих государств активно обсуждался в годы польско-османской войны, но стороны так и не смогли договориться. Помимо осложнявших отношения стремлений обоих государств распространить свою власть на земли правобережного гетманства, важную роль сыграло то обстоятельство, что польско-литовская сторона упорно стремилась получить в свое распоряжение крупную русскую армию, подчинить ее своему командованию и использовать ее в соответствии со своими планами [Флоря, 2017]. Переговоры о союзе прервались с заключением мира в Журавно в 1676 г. между Речью Посполитой и Османской империей, когда были даже отозваны появившиеся было постоянные представители при польском и русском дворах.

Переговоры возобновились на рубеже 70–80-х годов XVII в. в новой ситуации, когда существовал мир между Польшей и Османской империей и шла война между Османской империей и Россией. Этот новый этап переговоров был прерван с заключением русско-османского Бахчисарайского мирного договора (1681 г.).

Этому этапу переговоров уже в конце XIX в. было посвящено исследование Е. Е. Замысловского, который ввел в оборот обширный материал, содержащийся в русских посольских книгах того времени [Замысловский]. К сожалению, исследователь во многом ограничился изложением содержания источников¹, не подвергнув их последовательному и всестороннему анализу. Правда, его возможности в этом отношении ограничивало то существенное обстоятельство, что он не был знаком с источниками, в полной мере отражавшими позиции на переговорах другой стороны — польско-литовской.

Отмеченный недостаток уже в недавнее время был исправлен в монографии известного польского историка Збигнева Вуйцика, две главы которой были посвящены истории этих переговоров [Wójcik, 1976, rozdział IV. Próby pozyskania Moskwy. 1677–1679; rozdział V. Poselstwo Polski do Moskwy w roku 1679]. З. Вуйцик использовал и русские посольские книги, и широкий круг разнообразных польских источников, включая переписку короля Яна Собеского с разными

¹ В ряде случаев автор просто включал в свой текст целые листы посольской книги.

лицами, носившую в ряде случаев доверительный характер. Анализ этих материалов позволил автору полно и точно охарактеризовать представления политиков Речи Посполитой о международной ситуации и состоянии русско-польских отношений, их цели и способы, с помощью которых они рассчитывали их достичь. Вместе с тем по отношению к русской стороне автор часто ограничивается тем, что только фиксирует позицию русских представителей на переговорах. О целях русской стороны автор, естественно, неоднократно говорит, но его утверждения не подкрепляются анализом русских источников. Поэтому вопрос о том, какие цели ставила русская сторона на переговорах с Польско-Литовским государством и какими способами она рассчитывала их добиться, продолжает оставаться актуальным и заслуживает изучения. К этому следует добавить, что З. Вуйцик оборвал исследование переговоров концом 1679 г., но переговоры продолжались и в следующем, 1680 г.

Все это оправдывает повторное обращение к теме с преимущественным вниманием к планам и действиям русской стороны. Как показал в своем исследовании З. Вуйцик, вопрос о заключении союза против османов снова появился в дипломатических документах обеих сторон в конце 1677 г. в письме Яна Собеского Казимиру Сапеге, одному из членов будущего польского посольства в Россию, и в наказе русским послам в Речь Посполитую И. И. Чаадаеву и Е. Украинцеву, где подчеркивалось, что король должен искать союза не с султаном, врагом христианства, а с царем [Wójcik, 1976, s. 144–146; Замысловский, с. 14]. Уже на этом этапе определились некоторые особенности позиций обеих сторон. Так, Ян Собеский предлагал России «вечный» мир и военно-политический союз, если Речи Посполитой будут возвращены утраченные земли, а русская сторона предлагала союз и сотрудничество без «случения» армий [Wójcik, 1976, s. 127, 145–146]. Однако на переговорах, происходивших в 1678 г., на первом плане был вопрос о продлении Андрусовского договора, а другие сюжеты находились пока на заднем плане. Соответствующий договор был заключен в августе 1678 г., и русская сторона попыталась перейти к решению других задач. Это решение было возложено на посольство, направленное в Речь Посполитую для принятия присяги Яна Собеского на заключенном в Москве договоре. 30 октября 1678 г. состоялось назначение «великих» послов. Это были боярин И. В. Бутурлин, окольничий И. И. Чаадаев и думный дьяк Лукьян Голосов². Обращает на себя внимание не только высокий ранг послов, но и участие в посольстве И. И. Чаадаева, одного из лучших русских дипломатов. Это указывало на серьезность задач, которые должно было пытаться решить посольство.

Среди этих задач важное место занял вопрос о военно-политическом союзе России и Речи Посполитой против османов. Это неудивительно, так как незадолго до принятия решений военная кампания завершилась взятием Чигирина османской армией. Война продолжалась, и вопрос о возможных союзниках был, конечно, актуальным. Характерно, что в наказе послам предписывалось начать переговоры о союзе по своей инициативе, если польско-литовская сторона этого не сделает³. Условия возможного союза были определены в решении царя, патриарха и Боярской думы от 9 октября 1678 г.⁴

Важной особенностью этого документа было настойчивое, неоднократное утверждение того, с чем ни в коем случае не следует соглашаться. Русский проект предусматривал военно-политический союз России и Речи Посполитой против османов, когда Речь Посполитая «разорвет» мир с султаном и вступит с ним в войну. Вместе с тем не должно было происходить «случения» — объединения военных сил обоих государств⁵. Понятно, почему русская сторона стремилась избежать подобной ситуации. Как показали переговоры 1674–1676 г., польско-литовская сторона стремилась получить в свое распоряжение крупную русскую армию, чтобы использовать ее в соответствии со своими планами. На это русская сторона, разумеется, не хотела согласиться. Неслучайно в решении думы подчеркивалось, что условия союза должны быть равноправными⁶.

Русский проект представлял собой своеобразное соглашение о взаимопомощи. В случае нападения на одного из союзников другой должен был выслать ему на помощь 15-тысячное войско, которое шло бы к месту назначения «жилыми месты», и эти войска следовало «к городам на приступы не посылать»⁷.

² РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 190. Л. 1.

³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 189. Л. 332.

⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 190. Л. 74–97.

⁵ Там же. Л. 79 об.—82, 88, 90.

⁶ Там же. Л. 93 об.

⁷ Там же. Л. 85 об.—87 об.

В соответствии с характером военных сил обоих государств предполагалось, что царь пошлет 3 тысячи конницы и 12 тысяч пехоты «с пушки и с воинскими припасы», а король — 8 тысяч «конных добрых служилых шляхецкого стану людей» и 7 тысяч пехоты⁸.

В Москве предполагали, что в Варшаве не согласятся начать войну «без... слученія» войск, тогда у них следует просить условия «слученія», которые «будут к ползе и не в тягость обоим государствам», и отправить эти условия царю. В чем был смысл такого проекта, какие цели преследовали советники царя Федора, выдвигая его?

Прежде всего совершенно очевидно, что союз в русском представлении должен был носить оборонительный характер. Войска должны были посылаться на помощь для отражения нападения врага, а не для участия в каких-либо наступательных действиях. Это, думается, позволяет судить о целях, которые в Москве преследовали, предлагая такое соглашение. В Москве после двух военных кампаний, по-видимому, искали пути выхода из войны с османами. В Чигиринских походах османская армия понесла серьезные потери и можно было бы рассчитывать, что русско-польское соглашение о взаимопомощи при организации обороны сможет способствовать желанию Османской империи вступить в мир с Россией. «Разрыв» польско-османского мира должен был привести не к войне, а к заключению прочного мира между тремя государствами.

Польско-литовская сторона шла к мирным переговорам совсем с другими установками.

Как хорошо известно, к концу 1678 г. наметилось сближение разных частей политической элиты Речи Посполитой на почве общей программы наступательной войны против Османской империи. Речь шла не только о возвращении Правобережной Украины, Каменца и Подолии, но и об изгнании османов из Молдавии и Валахии и распространении зоны польского влияния до Дуная⁹. Выдвижение таких планов сопровождалось осознанием, что собственных военных и финансовых возможностей Польско-Литовского государства недостаточно. С этим связано стремление усилить свои позиции благодаря заключению союзов с Австрией и прежде всего с Россией. Россия (в отличие от Австрии) находилась уже в состоянии войны с османами. Отсюда представление, что, заинтересованная в союзе против османов, она может пойти на разные уступки Польско-Литовскому государству.

О некоторых из таких ожиданий русские послы узнали еще в дороге от гонца Кузьмы Нефимонова, ездившего к Яну Собескому с сообщением о приезде русских послов. В его записке указывалось, что король будет добиваться средств «на плату войска, чем затянуть»¹⁰. В другом его сообщении говорилось, что польская шляхта пойдет на войну с османами, если в армии будет 30–40 тысяч московской пехоты — «бес того в соединении быти не похотят»¹¹.

Различия между позициями сторон сразу проявились, как только на встрече 1 февраля 1679 г. польско-литовская сторона изложила свои условия союза¹². Эти условия предусматривали возвращение Речи Посполитой всех территорий, утраченных ею во время русско-польской войны середины XVII в. К войскам Речи Посполитой должна присоединиться 50-тысячная русская армия. Эти войска должны «неприятеля... в дому найтить и зимовать там». Кроме того, русская сторона должна была выплачивать «на подъем» польско-литовской армии 600 тысяч рублей ежегодно в течение всей войны. Предусматривался также ряд гарантий того, что русская сторона выполнит условия договора: поручительство других монархов, передача в заложники «бояр и думных людей», предоставление «в заклад места и скарбы».

Э. Вуйцик справедливо отметил, что эти предложения «были явно не реалистичными» [Wójcik, 1976, s. 191]. Предлагать русским послам подобные условия можно было, если бы Русское государство понесло тяжелое поражение в войне с османами и остро нуждалось в помощи для продолжения войны. Реальное положение выглядело, однако, иначе. Правда, определенная неудача имела место (османам удалось овладеть Чигирином), но основную территорию Русского государства война не затронула, русская армия не была разбита, а османская армия понесла серьезные потери, и в ближайшем будущем можно было не ожидать нового наступления османов.

⁸ Там же. Л. 94 об. О русских условиях союза см. также: [Замысловский, с. 32].

⁹ Об этом, как увидим далее, ясно говорят планы войны, предлагавшиеся во время переговоров польско-литовской стороной.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 189. Л. 37 об.

¹¹ Там же. Л. 38 об.

¹² Текст условий см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 190. Л. 138 об.—140; [Wójcik, 1976, s. 180].

Есть основание полагать, что политики Речи Посполитой представляли себе реальное положение вещей. Одной из целей посольства И. В. Бутурлина было выяснить, какие сведения о Чигиринских походах и планах властей Османской империи имеют хождение в Речи Посполитой. И такие сведения удалось собрать. Уже в отписке от 16 февраля 1679 г. послы могли сообщить, что «турецкие войска, которые были под Чигирином, воротились в великом упадке и войны... нынешней год от салтана турецкого под Киев не чаять»¹³. В апреле сам литовский гетман М. Пац говорил дьяку С. Протопопову, что нового похода султана на Украину не будет¹⁴. Встречавшийся с послами австрийский резидент И. Жеровский также информировал, что, судя по сообщениям австрийского резидента из Стамбула, под Чигирином «турские и крымские войска многие побиты... и от того салтан и везирь и паши в немалом скорблении»¹⁵.

Все это было, конечно, известно польско-литовским политикам во главе с Яном Собеским, но у них не было иного способа добиться достижения поставленных целей. Другой возможный военный союзник — Австрия — как увидим далее, вовсе не стремилась вступить в войну с османами, и от нее нельзя было ожидать необходимых для содержания армии субсидий.

У русских послов не было полномочий принимать условия, которые предложила польско-литовская сторона, да и сложившееся положение не заставляло этого делать. Неудивительно, что предложенные условия были отвергнуты в достаточно резкой форме. Сделанные предложения — это «неслыханные и непристойные запросы и приклады», о чем «и мыслить стыдно»¹⁶. Они четко заявили, что о территориальных уступках не может быть и речи, о составе будущих соединенных сил следует договариваться, «а запрашивать через меру не годитца». Было отмечено, что государи должны совместно выработать план войны, где бы определялись и размеры войск, и «как, кому и где их водить». Запрос на выплату субсидий «досадителен и непристоен»¹⁷.

В дальнейшем, если не считать некоторых уточнений плана будущей войны, дискуссия сосредоточилась вокруг трех вопросов: о территориальных уступках в пользу Речи Посполитой, о возможных размерах русской армии, которая соединится с польско-литовским войском, и о выплате Речи Посполитой постоянных субсидий на ведение войны. Дискуссия была начата заявлениями сенаторов, что военная помощь, которую предлагает русская сторона, недостаточна и «без отдачи завоеванного и бес казны и такова союзу чинить они не хотят»¹⁸. Сенаторы подчеркивали: «А без дания, де, казны тому случению сил за скудостью их, потому что они разорены, быть отнюдь невозможно». Было также заявлено, что без получения субсидий Речи Посполитой будет невозможно снарядить для ведения войны 50-тысячную армию («без... казны на то войско на 50000 никоими мерами поднятца невозможно»)¹⁹. Эти заявления хорошо показывают дистанцию между немалыми амбициями польско-литовской элиты во главе с Яном Собеским и ее реальными возможностями.

Как и следовало ожидать, на польско-литовские предложения снова последовал отказ. Послы, в частности, заявили, что царь не намерен, «свою государскую рать оскудя, чужую полнить»²⁰. После неудачного начала дебатов была предпринята попытка вывести переговоры из тупика. После встречи 7 февраля «некоторые от сенаторен, оказуя любовию», прислали послам некое «тайное письмо» с изложением королевских намерений²¹. В «писме» говорилось, что надо снять вопрос о территориальных уступках, требовать от русской стороны армию в том размере, как это предусмотрено Московским договором 1667 г., то есть 5000 конных и 20000 пехоты. Составитель письма настаивал на выплате субсидий («проторей толь великих иметь не можем»), но выражал готовность обсудить их размер.

Так обозначились с польско-литовской стороны поиски некоторого (но выгодного для Речи Посполитой) компромисса. За посылкой «писма» последовала 14 февраля встреча послов с главными литовскими политиками — канцлером К. Пацом, великим гетманом М. Пацом и польным коронным гетманом С. Яблоновским²². Вероятно, это были те сенаторы, которые прислали послам «тайное письмо».

¹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 189. Л. 546–547.

¹⁴ Там же. Л. 644 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 190. Л. 209 об.

¹⁶ Там же. Л. 141 об.

¹⁷ См. текст ответа на польско-литовские условия: Там же. Л. 155–160.

¹⁸ Там же. Л. 162, 172 об.—173.

¹⁹ Там же. Л. 176 об.

²⁰ Там же. Л. 179.

²¹ Текст «писма» см.: Там же. Л. 182 об.

²² Запись о встрече см.: Там же. Л. 195 об.—199.

Они сообщили, что «королевское величество и Речь Посполитая запросы городов оставят», высказали пожелание, чтобы к 15 тысячам человек, которые русская сторона обещала выслать на помощь Речи Посполитой, «из казацких войск что прибавить», но настаивали на выплате субсидий: «без дачи, де, со стороны царского величества казны ту войну всчать для великой их скудости невозможно».

Послы ответили, что готовы писать царю «о прибавке ратных людей», но предложение о субсидиях отклонили — речь могла бы идти лишь о выплате единовременного взноса в 50 или 100 тысяч рублей. Это сопровождалось пояснением, что, когда между Россией и Речью Посполитой есть только временное перемирие, царь не может, «оскудя своих ратных людей, чужие войска полнить».

Компромисса достичь не удалось, и 16 февраля послы в отписке, отправленной царю, поставили его в известность, что приемлемых условий союза польско-литовские представители «по се число не объявили»²³.

22 февраля послам сообщили, что король направляет в Москву послов для продолжения переговоров о союзе²⁴ и тем самым их миссия в Речи Посполитой была фактически закончена, но на следующий день, 23 февраля, они получили царскую грамоту с предложением ехать к императору Леопольду «для наших государских дел»²⁵.

Это решение было вызвано к жизни важными переменами в общеевропейской международной ситуации. Конец 1678 — начало 1679 г. — время заключения ряда мирных соглашений, положивших конец одному из наиболее крупных европейских конфликтов 70-х годов XVII в. В числе этих соглашений был и мирный договор между Людовиком XIV и императором Леопольдом. В 1672 г. царь Алексей Михайлович, как уже отмечалось, направил посольства во многие европейские государства, призывая их оказать помощь Речи Посполитой, подвергшейся нападению османов. В то время эти призывы не были услышаны, но с окончанием общеевропейской войны положение дел могло измениться. Понятно, что главное внимание закономерно привлекла Австрия, старый и главный противник османов на Балканах, которую в Москве уже давно рассматривали как важного союзника в борьбе с Османской империей. Речь Посполитая как такой союзник вызывала в московских правящих кругах ряд сомнений. Возможный союзник, как было показано выше, открыто заявлял, что у него нет средств на снаряжение крупной армии, и требовал от русской стороны для ее оплаты регулярных субсидий. К этому следует добавить, что существовали сомнения в том, что Ян Собеский отказался от своей профранцузской ориентации и встал на путь борьбы с Османской империей. Представления о положении в Речи Посполитой в Москве формировались под воздействием враждебных Собескому литовских политиков, посылавших свои сообщения в Москву через русского агента Назария Краевского²⁶, и сообщений православных жителей Польско-Литовского государства, недовольных религиозной политикой своего короля. В этих сообщениях Ян Собеский часто выступал как сомнительная фигура. Так, в «письме», доставленном Н. Краевским в Посольский приказ 10 января 1679 г., говорилось, что сторонники короля, проявляя якобы «склонность к случению с Москвою... делом самим все делают противно»²⁷. Сам Н. Краевский при расспросе в Посольском приказе, ссылаясь на свои контакты с одним из первых сенаторов Великого княжества Литовского троцким воеводой

М. Огинским, сообщал, что «королевское величество имеет склонность свою к турецкой стороне, а Княжества Литовского все сенатыри допустить его к тому не хотят»²⁸.

В конце марта Н. Краевский привез целый ряд важных сообщений — результат его бесед с первым светским сенатором Великого княжества Литовского, воеводой виленским и великим гетманом М. Пацом.

Среди них было весьма важное сообщение о планах Яна Собеского, связанных с переговорами 1678 г. о продлении Андрусовского договора. По словам гетмана, король хотел сорвать мирные переговоры, чтобы затем «за саблюю турецкою завоеванные города отыскивать», и лишь сопротивление литовцев помешало осуществлению этого замысла²⁹. На сейме, собравшемся в Гродно в декабре 1678 г., когда туда прибыли русские послы и начались переговоры о союзе, король «тот нам союз крепко перебивал, чтоб ему не

²³ Там же. Л. 204 об.

²⁴ Там же. Л. 213 об.—214.

²⁵ Там же. Л. 218 об. и сл.

²⁶ О нем см.: [Кочегаров, с. 50—54].

²⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 189. Л. 558 об.

²⁸ Там же. Л. 561 об.—562.

²⁹ Там же. Л. 589 об.—590.

быть». Король предлагал ждать поражения России в русско-османской войне, тогда царь «города наши нам отдаст»³⁰. Приводились и слова великого гетмана коронного князя Дм. Вишневецкого: «стану, де, я крепко за королем смотреть, вправду ли он отстал от французского замысла»³¹. Наконец, была передана просьба М. Паца, что если король будет по-прежнему держаться профранцузской ориентации, «то конечно надобно тот французской вымысел низвергнуть» и тогда царю следует «дать» ему «на помощь заднепрских казаков хотя з 20000»³².

Правда, наряду с этим М. Пац говорил, что гетманы коронные и литовские «совершенное намерение постановили, что с царским величеством стоять против салтана турецкого» и короля к «противным тому делу вымыслом не допускать»³³. Он высказывал убеждение, что договор о союзе может быть заключен без особых обязательств с русской стороны³⁴. О польско-османском мирном договоре он сообщал, что «на нынешнем сейме в тайных советах постановили тот мир разорвать, усмотря время»³⁵. Однако сообщения гетмана о Яне Собеском и его политике, порождение острой фракционной борьбы различных группировок политической элиты Речи Посполитой, не могли не оказывать воздействия на представления русских политиков о Речи Посполитой и их политику по отношению к этому государству. В свете поступавших сообщений Речь Посполитая выглядела союзником бедным (отсутствие средств на содержание значительной армии) и ненадежным. Неудивительно, что их внимание обратилось к Австрии, по-видимому, сразу после того, как в Москве стало известно о заключении мира между Францией и Австрией³⁶.

Какие планы связывались с этим поворотом русской внешней политики, позволяет судить грамота, отправленная послам 20 февраля 1679 г.³⁷ Им предписывалось устроить «приятельские пересылки» с папским нунцием в Польше и с приехавшим на сейм в Гродно австрийским послом и даже встретиться, чтобы просить их содействовать удачному завершению переговоров о русско-польском союзе против османов. Но следовало также добиваться, чтобы в такой союз вступил и император. Нунция следовало ознакомить с русским проектом союзного договора. Но это было еще не все. Им следовало через иностранных послов добиваться, чтобы папа и император французского короля «всякими мерами приводили к тому ж христианскому совету». Так рисовались очертания большой антиосманской коалиции, создания которой в 1672 г. не смог добиться Алексей Михайлович. В грамоте неоднократно повторяются призывы, чтобы «общими силами при помощи Божии стояли» против османов. Однако в определенном противоречии с такими призывами находится заключительная часть грамоты. Здесь говорится, что, когда все христианские государства (Россия, Польша, Австрия, Франция) вступят в союз, то «салтан турецкой учнет от того имети опасение» и хорошо было бы, чтобы в таких условиях «салтана... со всеми христианскими государи к миру приводили, предлагая ему то», что он «войну всчал... безо всякое причины». Таким образом, соглашения ряда христианских государств о военной и финансовой взаимопомощи (в соответствии с проектом договора), по мысли советников царя Федора, должны были привести не к большой «наступательной» войне, как этого хотели в Варшаве, а к отказу Османской империи от внешней экспансии и установлению прочного мира на южных границах христианских государств. Поступавшая весной 1679 г. в Москву из Речи Посполитой информация как будто говорила о том, что для осуществления задуманного плана складываются благоприятные условия.

Так, уже в феврале 1679 г. при содействии австрийского резидента И. Жеровского, который приезжал к послам «не по одно время», послы имели «пересылки» с австрийским послом и с папским нунцием Ф. Мартелли. Жеровский от их имени заверял, что они способствуют объединению против султана всех христианских государей, а нунций добивается разрыва польско-османского мира — участников сейма «на то приводит непрестанно и обещает им от папы помочь казною». Император «от того соединения не отстанет» «с великим усердием помогать будет»³⁸.

³⁰ Там же. Л. 591.

³¹ Там же. Л. 595 об.

³² Там же. Л. 595 об.—596.

³³ Там же. Л. 575—575 об.

³⁴ Там же. Л. 574.

³⁵ Там же. Л. 578.

³⁶ Соответствующая грамота была отправлена из Москвы 6 февраля (РГАДА. Ф. 79. Кн. 190. Л. 222 об).

³⁷ Текст грамоты см.: Там же. Л. 267 об.—275 об.

³⁸ Там же. Л. 277—278.

26 марта послов посетил «писарь» гетмана М. Паца Бжозовский, сообщивший о сборе 40-тысячной армии в случае заключения договора с Россией, «и побор на то войско... положили на два года». Он же рассказал о посольствах, отправленных в разные государства: императору, «чтоб он зачал против турка войну в Венграх», Испании и Венеции, чтобы они выступили против османов на море. У Людовика XIV хотят просить субсидий и людей «искусных и смысленных к пушечной стрельбе и к пехоте»³⁹. Позднее послы достали и переслали в Москву текст выступления Яна Собеского в сенате от 1 марта (н. ст.) с изложением его плана подготовки к войне с османами при участии союзников⁴⁰.

С этим сообщением не расходились и сообщения гетмана М. Паца, переданные через Н. Краевского. Он заверял, что император «начинает войну через подданных своих венгров» и французский король «вспоможение казною к той же против салтана турецкого помочи учинить хочет»⁴¹. 5 апреля И. Жеровский, посетивший послов на дороге из Гродно в Варшаву, сообщил им, кто именно будет послан Яном Собеским в другие государства с просьбой о помощи⁴². 6 апреля состоялась встреча посольского переводчика С. Лаврецкого с австрийским послом, который через него заверял русских дипломатов, что Ян Собеский «к соединению против общаго неприятеля всеконечно учал быти склонен», а император «в том добром деле помогать будет»⁴³. Посольство в Вену начиналось как будто в благоприятных условиях, но реальная картина далеко не во всем соответствовала поступавшим сообщениям.

Полностью отражали действительность сообщения о планах и действиях папской курии. В годы правления папы Иннокентия XI папская курия прилагала большие усилия для создания большой коалиции христианских государств против османов [Konarski, s. 43–44, 48]. Деятельность эта серьезно усилилась после заключения Нимвегенского мира. Частью этих планов был план русско-польского союза, направленного против османов, гарантом соглашения о котором мог бы быть император. В случае разрыва Речи Посполитой с Османской империей папа обещал значительные субсидии для ведения войны. Опубликованные А. Тейнером донесения Мартелли показывают, что нунций внимательно следил за ходом русско-польских переговоров и просил австрийского посла и резидента побудить русских к заключению договора о союзе⁴⁴.

Однако с другими участниками возможного союза дело обстояло не так просто. Это прежде всего касалось Франции. 15 и 18 марта 1679 г. папа Иннокентий XI обратился с посланием к императору Леопольду и Людовику XIV с призывом объединить силы против османов. Как свидетельство возможного успеха папа упоминал «*prosperi Moschorum adversum Turcam progressus*» и переговоры о русско-польском союзе⁴⁵. В своем ответе Людовик XIV называл проект русско-польского союза «великим и благочестивым замыслом», а будущую войну «святой»⁴⁶. Такие заявления поддерживали надежды на участие Франции в большой антиосманской коалиции, но они не соответствовали реальной французской политике. Османская империя была нужна Франции и как выгодный торговый партнер, и как опасный противник главных европейских соперников — австрийских Габсбургов. Кроме того, после заключения Нимвегенского мира в Париже были предприняты важные шаги для усиления французских позиций в Германии. В 1679 г. Людовик XIV учредил так называемые «Присоединительные палаты» для обоснования прав французской короны на те или иные земли в Германии, за чем последовала оккупация ряда земель в Эльзасе и Западной Лотарингии [Борисов, с. 135]. Все это не могло не оказать влияния на внешнюю политику Австрии после заключения Нимвегенского мира.

В сложившейся ситуации во время переговоров с Речью Посполитой австрийские политики соглашались заключить с Польско-Литовским государством лишь «оборонительный» союз. Это давало возможность оказывать помощь Речи Посполитой, не нарушая мира с Османской империей. Очевидно, что австрийские министры, как и приближенные царя Федора, стремились в сложившихся условиях не к «наступательной» войне, а к сохранению мира. Но между позицией русских и австрийских политиков

³⁹ Там же. Л. 310–311; [Замысловский, с. 35–36].

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 190. Л. 315–325.

⁴¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 189. Л. 575–575 об.

⁴² РГАДА. Ф. 79. Кн. 190. Л. 331.

⁴³ Там же. Л. 332 об.–333; [Замысловский, с. 35].

⁴⁴ Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowitch, Teodor III et Pierre le Grand. Rome, 1859. P. 152, 154–156.

⁴⁵ Ibid. P. 159–160.

⁴⁶ Ibid. P. 164.

было одно существенное различие. Для Вены лучшей гарантией сохранения мира было бы выступление России и Речи Посполитой против Османской империи. Следовало добиться заключения союза между ними и их вступления в войну, обещая, что в будущем Австрия к ним присоединится [Konarski, s. 67–69].

Подготовленный наказ посольству И. В. Бутурлина для переговоров в Вене был одобрен в марте 1679 г. «ближними боярами» царя Федора Н. И. Одоевским, Ю. А. Долгоруким, Б. М. Хитрово и И. М. Милославским⁴⁷. В наказе повторялись более подробно соображения, изложенные в грамоте от 20 февраля. Послы должны были призывать «ко охранению государств своих имети общее согласие»⁴⁸. Императора следовало призывать, чтобы он содействовал заключению союза между Россией, Польско-Литовским государством и Австрией на тех условиях, которые русские послы предлагали в Варшаве⁴⁹. Сами эти предложения сопровождались важными комментариями: следует «остерегаться, чтоб к союзу общих сил... отнюдь не прилепятся, а твердить то в письме, что промысел чинить каждому с своей стороны»⁵⁰. Каковы же должны были быть, согласно посольскому наказу, результаты от заключения такого союза для его участников? В этом случае, указывалось в документе, «венгерские бунтовщики успокоятся и в послушании цесарскому величеству будут и салтан турецкой учнет от того имети опасение»⁵¹ и союзникам следует «чинить всякие промыслы... чтоб того неприятеля от войны отвратить и тем бы учинить государствам христианским покой, к чему и салтан турецкой будет иметь склонность»⁵². Характерно, что послы должны были объяснить императору, «что с стороны царского величества причины никакой салтану турецкому к войне не учинено, и ныне великий государь крови разлития не желает»⁵³. Эти установки посольского наказа можно дополнить важным наблюдением над самим ходом переговоров. Русские послы неоднократно заявляли, что они могут заключить союз с Австрией и без участия Речи Посполитой⁵⁴. Очевидно, выдвигавшиеся Яном Собеским планы большой «наступательной» войны против османов не согласовывались с курсом, избранным правительством царя Федора. Были основания полагать, что с Австрией удастся скорее найти общие цели.

Цели действительно были одинаковы — желание добиться прочного мира с Османской империей, но гарантию такого мира в Вене видели в том, чтобы Россия продолжала войну против османов в союзе с Польско-Литовским государством.

Русские послы приехали в Вену 12 июня⁵⁵, и вскоре начались переговоры с советниками императора во главе с Раймундом Монтекукколи⁵⁶, но затем переговоры были прерваны с приездом в июле посла Яна Собеского, мужа его сестры М. Радзивилла. Послам сообщили, что, «не выразумев преж полского посолства, договору с ними чинить невозможно»⁵⁷. М. Радзивилл возглавил главное из посольств, которые должны были найти Яну Собескому союзников в его войне с османами. Он должен был добиваться заключения союза против османов, что предполагало активные действия австрийских войск на территории Венгрии и посредничество императора на мирных переговорах между Россией и Речью Посполитой [Wójcik, 1976, s. 192–193].

О своем согласии быть посредниками на мирных переговорах представители австрийской стороны сообщили русским послам еще до приезда М. Радзивилла⁵⁸, но никакого соглашения об австрийско-польском союзе не было заключено, дело ограничилось обещаниями, что император выступит, когда будет заключен и начнет действовать русско-польский союз [Konarski, s. 64, 67]. На переговорах в Вене советники императора стремились выяснить, почему не был заключен русско-польский союз, и получили ответ, что из-за «несносных вопросов войску своему на zapлату»⁵⁹.

⁴⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1858. Т. V. Стб. 695.

⁴⁸ Там же. Стб. 635.

⁴⁹ Там же. Стб. 636–637.

⁵⁰ Там же. Стб. 687.

⁵¹ Там же. Стб. 637.

⁵² Там же. Стб. 650–651.

⁵³ Там же. Стб. 694.

⁵⁴ Там же. Стб. 1021, 1062.

⁵⁵ Там же. Стб. 976 и сл.

⁵⁶ Там же. Стб. 1005 и сл.

⁵⁷ Там же. Стб. 1042, 1047.

⁵⁸ Там же. Стб. 1023–1024.

⁵⁹ Там же. Стб. 1018.

Целью австрийской политики было побудить Москву вступить в союз с Речью Посполитой и продолжать войну. Отсюда обещания, что если эти государства вступят в войну, то император «от них не отстанет и над тем неприятелем промысл чинить учнет»⁶⁰. Но такие обещания русскую сторону не удовлетворили. Послы предлагали «оружие свое поднять немедленно», так как османская армия понесла большие потери в войне с Россией⁶¹. Они спрашивали, как скоро император мог бы начать войну — «нынешняго ль лета или грядущаго»⁶².

Эта настойчивость дала свои плоды и способствовала выяснению положения. На встрече 31 июня имперский подканцлер Леопольд Кёнигсек сообщил, что «опасен, де, цесарское величество со стороны французского короля». Император свяжется с царем, «как, де, они с французом успокоятся»⁶³. Эта точка зрения, высказанная на неофициальной встрече «на загородном дворе», была затем неоднократно повторена на встрече с советниками императора 5 августа⁶⁴. К этому был добавлен другой важный довод: договор о союзе не может быть заключен без участия Польши⁶⁵.

С самого начала переговоров, как уже отмечалось, советники императора старались выяснить, почему не удалось заключить русско-польский союз. Между тем с ростом осложнений в отношениях с Францией важность такого союза для австрийской внешней политики повышалась. Отсюда попытка убедить русскую сторону согласиться на польские условия, которую предпринял папский нунций Буонвизи (цели Ватикана и Австрии в этом вопросе совпадали). Сохранилась и русская запись⁶⁶, и более подробная запись нунция об имевшей место беседе⁶⁷. Послы, согласно записи нунция, выразили неудовлетворенность результатами переговоров и тем, что их побуждают заключить союз с Польшей. Нунций со своей стороны убеждал согласиться на польские просьбы о выплате субсидий: они просят денег от большой нужды, а сумма — не такая большая для столь богатого (*denaroso*) государя. Это предложение русские послы резко отвергли. У поляков, заявили они, были бы деньги, «если бы казны своей на излишние и непотребные роскоши не теряли»⁶⁸.

13 августа русские послы выехали из Вены⁶⁹. С дороги, из Оломоуца, они отправили письмо о своем отъезде «брату и приятелю» И. Жеровскому⁷⁰. 25 сентября послы пришли в Гродно, где встречались с М. Пацом, который 29 сентября снова прислал к послам своего писаря Бжозовского для разговора о «тайных делах»⁷¹. Как представляется, сообщения Бжозовского⁷² должны были в определенной мере исправить то впечатление о Яне Собеском, которое могли создать у послов более ранние сообщения посланца. Он заверял, что ранее у короля были опасные замыслы «государей христианских воиную бусурманскою ни до какого согласия не допустить», но теперь все изменилось, и Ян Собеский к союзу с Россией «совершенно мысль свою склонил». Посланец М. Паца призывал, чтобы царь от заключения такого союза «не изволил отступать».

Вместе с тем посланец счел нужным заявить, что если союз не будет заключен, то Ян Собеский «за приводом французского станет искать крепкого миру с бусурманом, чтоб затем Речью Посполитой совершенно овладеть», и тогда «без великие крови не будет». Посланец запрашивал, если возникнет угроза гражданской войны, «какая им со стороны царского величества совершенная будет обнадежность». На этот вопрос послы ответили, что если дойдет до «гетману и Речи Посполитой великого утеснения», то царь «того дела опустить не изволит»⁷³. Для М. Паца заключительная часть «речей» Бжозовского служила дополнительным аргументом, который должен был побудить русскую сторону пойти на заключение союза, но заявления эти, показывавшие, что внутренний кризис в Речи Посполитой еще не преодолен, могли вызвать у советников царя Федора сомнения в ценности такого союзника.

⁶⁰ Там же. Стб. 1020.

⁶¹ Там же. Стб. 1020, 1022.

⁶² Там же. Стб. 1061.

⁶³ Там же. Стб. 1077–1078.

⁶⁴ Там же. Стб. 1080, 1098.

⁶⁵ Там же. Стб. 1080, 1099.

⁶⁶ Там же. Стб. 1101 и сл.

⁶⁷ *Theiner A. Monuments historiques...* P. 170–171.

⁶⁸ Памятники дипломатических сношений... Т. V. Стб. 1104.

⁶⁹ Там же. Стб. 1121.

⁷⁰ Там же. Стб. 1124–1125.

⁷¹ Там же. Стб. 1134, 1154.

⁷² Запись его речей см.: Там же. Стб. 1155–1157.

⁷³ Там же. Стб. 1158.

Тем более что «речи» Бжозовского были не единственным свидетельством такого рода.

8 октября посланец другого литовского магната — К. Паца — М. Довмонт предостерегал послов относительно Яна Собеского, что он «лукав» и при содействии Людовика XIV может привлечь «салтана... на свою сторону»⁷⁴.

Свои впечатления от итогов переговоров послы, задержанные на границе, изложили в записке, отправленной в Москву с И. А. Желябужским⁷⁵. Послы констатировали, что без Речи Посполитой император не вступит в войну с османами. Послы высказали мнение, что если будет заключен тройственный союз против османов, то Ян Собеский «по неволе от французского короля отстанет и Речь, де, Посполитая к французским замыслом не допустит». Таким образом, по их оценке, Речь Посполитая, несмотря на имеющиеся сомнения, может стать достаточно надежным союзником, если удастся заключить союз с Австрией. Наконец, послы выразили убеждение, что если будет заключен русско-польский союз, то император «в военном промысле на турецкого салтана надежно обовязательство учинит и войну с турецким салтаном взочнет, не выждав перемирья». Очевидно, сообщения австрийских министров об осложнениях австро-французских отношений были зафиксированы, но послы не придавали им значения.

На этом этапе переговоров ни один из участников не достиг своих целей. Русское государство не нашло союзников для продолжения войны с османами и заключения прочного мира. Условия русско-польского союза были для русской стороны неприемлемыми в значительной мере потому, что это было неравноправное соглашение. Австрии не удалось добиться прочных гарантий мира с османами в виде заключения русско-польского союза и выступления России и Речи Посполитой против османов. Не удалось добиться своих целей и политической элите Речи Посполитой. Ян Собеский не смог заключить союзов ни с Россией, ни с Австрией, а осуществить задуманные широкие внешнеполитические планы он не мог без посторонней помощи. Переговоры о союзе с Австрией закончились безрезультатно, и поэтому на первый план выдвинулся вопрос о союзе с Россией. Русское государство уже находилось в состоянии войны с османами и проявило готовность вести переговоры о союзе. Правда, договориться не удалось, но в ситуации, когда Россия в отличие от Польши вела войну с Османской империей, можно было рассчитывать все же добиться от русской стороны каких-то уступок. Неудивительно, что еще до возвращения в Москву посольства И. В. Бутурлина туда направилось посольство Речи Посполитой во главе с опытным дипломатом, участником многих русско-польских переговоров великим референдарием Великого княжества Литовского К. П. Бжостовским.

З. Вуйцик подверг внимательному анализу инструкции, подготовленные для посольства [Wójcik, 1976, s. 197–200]. Они были составлены еще в апреле 1679 г. после неудачного окончания переговоров с посольством И. В. Бутурлина. Как справедливо отметил исследователь, в условия, предлагавшиеся русским послам в Гродно, был внесен ряд изменений, говоривших о стремлении властей Речи Посполитой добиться заключения договора. Так, с повестки дня снимался вопрос о территориальных уступках в пользу Речи Посполитой, а размер ежегодных субсидий мог быть снижен с 600 тысяч до 200 тысяч рублей. К. П. Бжостовский должен был огласить перед царем и его советниками план ведения войны, который предусматривал завоевание Крыма русскими войсками, поход польской армии на земли Дунайских княжеств, что сочеталось бы с наступлением австрийских войск в Венгрии и военными действиями против османского флота на Средиземном море [Wójcik, 1976, s. 200–202]. В августе 1679 г. в Москве начались переговоры послов Речи Посполитой с советниками царя — боярином князем И. Б. Репниным, окольным И. А. Прончищевым, главой Посольского приказа думным дьяком Л. Ивановым.

К этому времени определились позиции русского правительства по отношению к Османской империи. Как выше отмечалось, в Москве хотели не большой «наступательной» войны, а заключения мира, но не на любых условиях. Весной 1679 г. в Москву прибыл крымский посол Садык-ага с предложением, что хан выступит как посредник на мирных переговорах⁷⁶. Эта инициатива говорила о том, что Османская империя ищет мира. 28 марта 1679 г. на заседании Боярской думы было принято решение направить в Крым посланников для начала мирных переговоров⁷⁷. Подготовленный в апреле 1679 г. посольский наказ показывает, каких условий соглашения намерена была добиваться русская сторона. Посланники должны были добиваться присоединения к России Правобережной Украины, как она «пребывала под державою предков его царского величества». Лишь в крайнем случае можно было соглашаться на переход

⁷⁴ Там же. Стб. 1158.

⁷⁵ Там же. Стб. 762–763.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымским ханством). 1679 г. № 6. Л. 69–70.

⁷⁷ Там же. Л. 42–43.

к России земель среднего Поднепровья «Днепром вниз казацкими городами до Сечи»⁷⁸. Предполагалось, что такого мирного соглашения удастся добиться благодаря союзу с Речью Посполитой. В наказе подчеркивалось, что участником нового мирного соглашения должен быть и польский король и следовало «стоять о том и говорить накрепко»⁷⁹. Посольство во главе со стольником Б. А. Пазухиным подверглось нападению запорожцев и до Крыма не доехало [Веселовский]. Но в сентябре 1679 г. с аналогичными инструкциями в Крым был направлен новый царский посланец И. Сухотин⁸⁰. В таких условиях в Москве были заинтересованы в благоприятном исходе новых русско-польских переговоров. Заключение союза могло бы заставить османскую сторону на будущих мирных переговорах пойти на уступки.

Переговоры, начавшиеся в августе 1679 г., не оправдали, однако, возлагавшихся на них ожиданий. Правда, послы Речи Посполитой пошли на ряд уступок, но настаивали на выплате постоянных денежных субсидий. На это русская сторона согласиться не могла, видя в этом неравноправный характер соглашения⁸¹. Как заявил И. Б. Репнин: царь «ни малого числа своей государской казны дать не изволяет; если со стороны царского величества казну давать, и то будет наем, а не случение сил». К 18 августа переговоры зашли в тупик, и послы обратились к королю за новыми инструкциями [Замысловский, с. 45; Wójcik, 1976, s. 208–215].

В этой ситуации в Москве появился старец Антоний — бывший глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин. Его появление было в определенной мере результатом активности отставного политика, который после опалы и ссылки А. С. Матвеева стал направлять в Москву записки с различными советами, касавшимися вопросов внешней политики. Некоторое время на них, по-видимому, не реагировали, но к 1679 г. его фигура стала привлекать внимание, когда вопрос о заключении антиосманского союза с Польшей выдвинулся на первый план. Видимо, интерес вызвала его записка «Ведомство желательным людям»⁸². В записке он отмечал, что благодаря его заслугам мир с Речью Посполитой был не только «утвержден», но и «святыи союз во веки постоянно укреплен». Автор записки выступал как явный сторонник такого союза и явно намекал на то, что мог бы добиться его возобновления. Записка, очевидно, привлекла внимание советников царя Федора. Один из них, М. Т. Лихачев, в январе 1679 г. «приказал» дать 100 рублей жалованья «старцу Антонию Нащокину, что бывал в миру боярин Афанасий Лаврентьевич» [Седов, с. 348].

Деятельность старца Антония в Москве началась с доверительной встречи с главой польско-литовского посольства К. П. Бжостовским. Есть основания полагать, что имели место доверительные контакты обоих политиков во время пребывания Ордина-Нащокина в Крыпецком монастыре. В одной из своих записок, относящихся к этому времени, старец ссылался на сведения из «переводных референдаревых присланных к нему от короля тайных писем»⁸³. Латинский перевод сообщения К. П. Бжостовского о встрече⁸⁴ содержит ряд важных деталей, связанных с приездом старца Антония в Москву. На встрече старец сообщил собеседнику, что его направили вести переговоры «по благословению патриарха»⁸⁵. Для атмосферы беседы характерно, что старец Антоний говорил о «зависти» к нему А. С. Матвеева, которого поддерживал Ю. А. Долгорукий. Референдарь заметил, что Ю. А. Долгорукий всегда был противником русско-польского союза, но старец Антоний успокоил его, сообщив, что сам Долгорукий просил царя прислать его для участия в переговорах. Позднее о приезде Нащокина как о важном событии, которое будет способствовать заключению союза, Ян Собеский поспешил сообщить папскому нунцию⁸⁶.

8 сентября на Греческом подворье начались переговоры старца Антония с послами Речи Посполитой⁸⁷. Первые встречи показали, что надежды К. П. Бжостовского на быстрый прогресс переговоров не оправдываются. Как видно из записей К. П. Бжостовского, на встречах 8, затем 10 сентября старец поднял вопрос о том, что прочным фундаментом русско-польского союза может

⁷⁸ Там же. Л. 105, 174, 294.

⁷⁹ Там же. Л. 133–135.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 123. 1679 г. № 15. Л. 76 и сл., 126–127.

⁸¹ Русская сторона соглашалась на выплату субсидий, но на взаимной основе: принимающая сторона должна была брать на себя содержание войск, которые придут на помощь ее армии (РГАДА. Ф. 79. 1679 г. № 5. Л. 154–155).

⁸² О ней см.: [Копреева].

⁸³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 129. Л. 435 об. На переговорах представители царя называли Антония «старинным приятелем» К. П. Бжостовского (РГАДА. Ф. 79. 1679 г. № 5. Л. 251).

⁸⁴ Theiner A. Monuments historiques... P. 183–184.

⁸⁵ Послы Речи Посполитой располагали сведениями, что патриарх выступает против заключения мира с османами [Wójcik, 1976, s. 212].

⁸⁶ Theiner A. Monuments historiques... P. 187.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 563 об.

служить только «вечный мир» между государствами, заключенный срочно, не дожидаясь участия возможных посредников⁸⁸. Когда послы отказались обсуждать эту тему, ссылаясь на отсутствие полномочий, дело перешло к обсуждению условий союза. Была достигнута договоренность, «чтоб на обе стороны способы о случении сил подать для подлинного выразумения на письме»⁸⁹.

10 сентября, вскоре после выезда царя на богомолье, старец Антоний явился в Столовую избу к советникам царя, назначенным управлять страной в его отсутствие, и сообщил, что готов передать послам свои предложения о «случении сил», чтобы они могли отослать их к королю⁹⁰.

На этой же встрече он выступал с предложением о созыве съезда представителей России и Речи Посполитой в Киеве, «чтоб малороссийскому народу было ведомо, каково у великого государя о христианстве попечение имеется». На этом съезде и можно было бы «на турка крепкой постановить союз»⁹¹. Высказывания старца Антония вызвали отрицательную реакцию думных людей. Им не понравилось прежде всего само согласие старца обсуждать с послами вопрос о «случении сил». Ему разъяснили, что этот вопрос с послами обсуждать не нужно, так как его рассмотрение перенесено на комиссию с участием посредников, которая соберется в 1680 г. Вызвало возражение и предложение о созыве съезда в Киеве. Такой шаг, по мнению советников, мог бы «привести черкас к сомнению», и они вряд ли захотят увидеть поляков в Киеве⁹².

Однако старец Антоний рекомендовал изложить свои предложения письменно, и 13 сентября соответствующий текст был передан боярам князю Н. И. Одоевскому и его сыну Якову и думному дяку Лариону Иванову⁹³. В поданной записке⁹⁴ старец Антоний обосновал, зачем нужен съезд в Киеве и какие решения он должен принять. Этот съезд, по его убеждению, был необходим для привлечения на сторону союзников «народов украинских», которые боятся «отягчения вечнаго», не знают, какую «милость» от государей они могут ожидать, и поэтому «бусурмане» добиваются успехов. «Тем народам обоих государей совет не открыт... и оборона им вечная в крепость не положена явным союзом». В Киеве великие и полномочные послы обоих государей «по совету духовных и мирских» со всей Украины должны заключить договоры «в надежность вечную от тое Украины крепкие обороны от нашествия бусурманского». В результате, по его убеждению, «бусурманом воздержание от войны и страх от насилия их будет непременно».

Как отметил еще Е. Е. Замысловский, на полях записки имеется ряд помет, отражающих отношение упомянутых выше советников царя к этой инициативе Ордина-Нащокина [Замысловский, с. 49]⁹⁵.

Резкие возражения думных людей вызвало предложение рассматривать всю Украину как единое целое, о судьбе которого должны договариваться будущие союзники. Такой подход, по их мнению, даст возможность обсуждать вопрос о каких-то правах Речи Посполитой на Левобережную Украину, в то время как живущие здесь черкасы надежно защищены «воинскими орудиями» и «имяни полского слышать не хотят» и не желают видеть поляков в Киеве.

Другая группа критических замечаний касалась утверждений отставного политика о том, что некогда Россия и Речь Посполитая «для непоручимого миру союз между собою... учинили», и он призывал его восстановить. В пометах подчеркивалось, что «о союзе не токмо конца и начала не бывало за несною тягостию» и поляки от него «отлучились», заключив мир с султаном. Сама идея союза не отвергалась, но отмечалось, что «о союзе крепко надобно мыслить», так как заключенные ранее соглашения «за несною тягостию» не выполнялись и теперь этого следует избегать. Между тем в записке Ордина-Нащокина эта тема не затрагивалась, а ответственность за невыполнение заключенных договоров возлагалась в равной мере на обе стороны.

В своеобразном заключении, приложенном к записке Ордина-Нащокина, констатировалось, что «по тому письму Антоньеву на сторону великого государя — тягостно, а полякам прибылно». Таково же было и

⁸⁸ Theiner A. *Monuments historiques...* P. 190–192; [Wójcik, 1976, s. 221].

⁸⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 567.

⁹⁰ Там же. Л. 582–582 об.; [Замысловский, с. 47].

⁹¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 582 об.–583; [Замысловский, с. 48].

⁹² РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 583 об.

⁹³ Там же. Л. 584.

⁹⁴ Текст ее опубликован: [Постников, с. 78–81].

⁹⁵ Пометы опубликованы в книге А. Б. Постникова вместе с текстом записки.

мнение Ю. А. Долгорукого, которому показали «письмо»⁹⁶. «Письмо» было показано и патриарху Иоакиму, и 14 сентября вместе с этими отзывами отправлено царю Федору⁹⁷. Он предложил патриарху и «всем бояром» решить, следует ли старцу Антонию и далее участвовать в русско-польских переговорах⁹⁸.

Не обнаружив сведений о последующих переговорах старца Антония с послами Речи Посполитой, Е. Е. Замысловский пришел к выводу, что он был отстранен от участия в переговорах. Однако такие записи имеются в исследованном Э. Вуйциком дневнике польского посольства. Здесь отмечен ряд встреч отца Антония с послами в конце сентября — начале октября 1679 г. [Wójcik, 1976, s. 221–224]⁹⁹. Более того, на первой из этих встреч Ордин-Нащокин изложил свой план созыва русско-польского съезда в Киеве, но, судя по польской записи, предложенный план претерпел важные изменения. Здесь уже не было речи о «всей Украине». Участники съезда должны были обратиться к казакам Правобережья, подчинявшимся власти ставленника османов Юрия Хмельницкого, и предложить им порвать с османами и перейти под общую опеку обоих государей. В установлении таким путем русско-польского протектората над Правобережьем послы Речи Посполитой не были заинтересованы, и предложение Ордина-Нащокина было отклонено [Wójcik, 1976, s. 221].

В дальнейшем дело дошло до обсуждения условий союза, и здесь, судя по польской записи переговоров, Ордин-Нащокин оказался склонным пойти навстречу представителям Речи Посполитой в большей степени, чем предшествующие участники переговоров. Так, он согласился с предложением, что в случае нападения султана на Речь Посполитую ее «kazną wesprzecz, wyłożywszy 200 tysięcy rubli» [Wójcik, 1976, s. 222]. На встрече 7 октября старец Антоний ознакомился с проектом договора о союзе, подготовленным послами, и отметил, «że wszystko po chrześcijański napisano» [Wójcik, 1976, s. 224]. Затем старец Антоний передал проект договора в Посольский приказ. Здесь текст документа был помещен под заголовком «Перевод с полского писма, каково по разговорам старца Антония Нащокина переведено на польском дворе»¹⁰⁰. Проект предусматривал, что Речь Посполитая разорвет мир с султаном и выставит для войны 42-тысячную армию. На соединение с ней царь должен был отправить 6 тысяч конницы, 24 тысячи пехоты «с пушками и с припасы пушечными» и 10–20 тысяч казаков. Таким образом, русская помощь равнялась бы по размерам армии Речи Посполитой. В случае, если бы против Речи Посполитой направилась «вся сила татарская и турецкая», царь должен был прийти к ней на помощь со всеми своими силами. На содержание польско-литовской армии царь должен был выплатить 200 тысяч рублей, «то есть миллион денгами серебряными», «а то для охоты войск к рыцерскому делу против бусурман». В случае участия в войне одного из государей войска обоих государств поступали под его командование.

Проект, который одобрил старец Антоний, отводил Речи Посполитой главное место в войне с османами. Это было то неравноправное соглашение, которого русская сторона упорно старалась избежать. В распоряжение властей Речи Посполитой и Яна Собеского как военачальника должны были поступать и денежные средства, и большая армия, которой Ян Собеский командовал бы по своему усмотрению. Возможно, Ордин-Нащокин считал, что такие уступки необходимы ради заключения союза. Но лица, стоявшие у кормила правления, оценивали положение дел иначе. В дневнике польского посольства отмечено, что Ю. А. Долгорукий с яростью («furią») укорял

К. П. Бжостовского, что тот вместе со старцем Антонием стал добиваться, чтобы Россия выплачивала «миллионы» Речи Посполитой [Wójcik, 1976, s. 225].

Как представляется, сторонники русско-польского союза в окружении царя Федора вызвали в Москву Ордина-Нащокина, рассчитывая, что он сможет добиться благоприятных условий русско-польского союзного договора, но он явно не оправдал их ожиданий. Именно после того, как он передал согласованный текст договора в Посольский приказ, старец Антоний был отстранен от участия в переговорах. Но прежде чем это произошло, он успел предпринять шаги, которые повлияли на внешнюю политику русского правительства. На переговорах при обсуждении проекта договора затрагивались вопросы о помощи других государств, на которую Речь Посполитая сможет рассчитывать, вступая в

⁹⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 591 об.—592 об.; [Замысловский, с. 49].

⁹⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 595—595 об.

⁹⁸ Там же. Л. 593—593 об.; [Замысловский, с. 49].

⁹⁹ В русской записи переговоров зафиксированы слова референдаря о 7 встречах со старцем Антонием (РГАДА. Ф. 79. 1679 г. № 5. Л. 271).

¹⁰⁰ Текст перевода см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 598—608.

войну с османами. Старцу Антонию были переданы два важных документа. Один из них — письмо литовского подканцлера М. Радзивилла из Вены от 3 сентября (н. ст.), в котором говорилось, что в случае заключения союза между Россией и Речью Посполитой император уже весной 1680 г. присоединится к этому союзу¹⁰¹. Второй документ — грамота Яна Собеского послам от 15 сентября (н. ст.)¹⁰², в которой говорилось, что в случае заключения русско-польского союза император уже «в начале весны подлинно 50000 войск в Венгры послать объявляет» и из Парижа также обещают «великие посылки».

Очевидно, после знакомства с этими документами старец Антоний 5 октября обратился к патриарху Иоакиму с важным заявлением. Он призывал, чтобы царь, король и император заключили союз между собой и совместными действиями приводили султана «к миру и любви». И следует добиваться присоединения к такому союзу других христианских государств¹⁰³. Такого рода проекты для русской внешней политики не были новостью, о чем говорит, в частности, посольство И. В. Бутурлина в Вену. Значение выступления старца Антония состояло в том, что он указывал на сообщения, которые, несмотря на неутешительные итоги переговоров И. В. Бутурлина, говорили в пользу реальности перспективы образования антиосманской коалиции. Особенно важно было сообщение о помощи Франции Речи Посполитой в борьбе с османами, что могло изменить всю картину международных отношений в восточной части Европы. И это сообщение не было единственным.

Послы Речи Посполитой находились в Москве в октябре — ноябре 1679 г. в ожидании новых инструкций от Яна Собеского [Замысловский, с. 51—52; Wójcik, 1976, s. 224—225]. В это время русские представители на переговорах получили указания: если польская сторона откажется от требования постоянных субсидий, следует обсудить условия военно-политического соглашения России и Речи Посполитой против османов: «где тому случению бытъ и каковым образом»¹⁰⁴. Новые инструкции так и не пришли, и 17 ноября состоялась «отпуск» послов. Они предлагали направить русских послов в Варшаву, где соберется «генеральная рада», уполномоченная принимать важные решения и способная урегулировать спорные вопросы. Туда же приедет и австрийский посол для заключения с Яном Собеским договора о «случении сил»¹⁰⁵.

В датированной 17 ноября грамоте царя Федора констатировалась неудача переговоров из-за просьб о субсидиях и других «запросов», но царь выражал готовность направить послов для продолжения переговоров о союзе¹⁰⁶.

10 декабря на пути к границе послы получили грамоту Яна Собеского, которую они отправили в Москву. Король просил скорее прислать в Варшаву послов, чтобы обсудить условия союза на «генеральной раде», которая имеет все полномочия для выработки условий договора о союзе. Грамота содержала и другую, весьма важную, информацию. Ян Собеский сообщал, что по его просьбе французский король прислал к императору посла с заверением, что он, в случае войны Австрии с османами, будет помогать императору своими войсками¹⁰⁷. Как представляется, эта информация послужила толчком для принятия важных решений, которые нашли отражение в документах, связанных с отправлением нового посольства в Речь Посполитую.

18 января 1680 г. было принято решение отправить гонца с сообщением о скором выезде послов¹⁰⁸. 20 января была отправлена грамота с гонцом Никитой Алексеевым¹⁰⁹. В грамоте сообщалось, что в Варшаву направляются опытные дипломаты: окольничий И. А. Прончищев и дьяк Е. Украинцев. Включение в состав посольства одного из ведущих сотрудников Посольского приказа того времени показывает, что посольству придавалось важное значение. 26 января Боярская дума дала послам полномочия «чинить о случении сил и о иных делех договор и постановление»¹¹⁰.

¹⁰¹ Там же. Л. 613 об.

¹⁰² Там же. Л. 613—613 об.

¹⁰³ Там же. Л. 596—596 об.; [Замысловский, с. 50].

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 79. 1679 г. № 5. Л. 254—257.

¹⁰⁵ Там же. Л. 328—330.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 904 об.—912 об.

¹⁰⁷ [Замысловский, с. 52]; РГАДА. Ф. 79. Кн. 192. Л. 1288—1292, 1344—1347.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 195. Л. 63.

¹⁰⁹ Там же. Л. 55 об.—62.

¹¹⁰ Там же. Л. 38—38 об.

В посольский наказ вошел проект создания большой антиосманской коалиции¹¹¹ из четырех государств — России, Речи Посполитой, Австрии и Франции «на охранение государствам своим». Выражались надежды, что они получат поддержку (военную или финансовую) от датского и шведского королей и от папы.

Союз четырех государств должен был представлять собой соглашение о военной взаимопомощи. В случае нападения османов на одно из государств три остальных должны были направить ему на помощь 20-тысячную армию или «на наем войска на 200000 рублей». Подчеркивалось, что при соединении войск следует «стоять заодно... посылать пехоты на приступы союзным государям равенственное число». В тексте последовательно подчеркивался равноправный характер соглашения, не предоставлявшего ни одному из участников особых преимуществ.

Достижения каких целей должна была добиваться эта коалиция наиболее крупных европейских государств? Определенный ответ на это дает 13-я статья проекта, где указывалось, что, заключив союз, государи должны сообщить султану о своем «соединении», «чтоб он, салтан, от войны отстал», и тогда можно будет заключить с ним «договор ко умирению»¹¹². Таким образом, с помощью создания такой коалиции в Москве, по-видимому, рассчитывали, не прибегая к войне, добиться прекращения османской экспансии в Восточной Европе и заключения с Османской империей мирных соглашений на выгодных условиях. К этому, возможно, должны были склонить османских сановников военные демонстрации союзников.

Послы должны были связаться с французским и австрийским послами при польском дворе, чтобы те связались со своими правительствами и получили полномочия для заключения соглашения «и чинить о том договор без продолжения... вскоре»¹¹³. Этому вопросу было уделено особое внимание в грамоте, отправленной послам 23 февраля¹¹⁴. К послам были отправлены тексты царских грамот, адресованных императору Леопольду и Людовику XIV с предложением прислать в Варшаву послов «с полной мочью» для заключения союзного договора. Им также была послана грамота, адресованная Яну Собескому, с просьбой содействовать приезду французских послов¹¹⁵. Вплоть до приезда послов с полномочиями русским послам следовало находиться при дворе польского короля.

Все это показывает, что в Москве готовы были приложить усилия для реализации своего проекта.

Как выше показано, поступавшие из Речи Посполитой сообщения рисовали благоприятные условия для заключения подобного договора. Цель этих сообщений состояла в том, чтобы показать Москве, что у Яна Собеского есть сильные и могущественные союзники, и тем побудить русскую сторону искать союза с Польско-Литовским государством. Действительность, однако, была иной. Посольства, отправленные Яном Собеским в различные государства, не дали результатов. Его главный посол на Запад, муж сестры М. Радзивилл, не добился никакого соглашения в Вене, предлагавшей не устраивавший польско-литовских политиков «оборонительный» союз, и Людовик XIV не проявил никаких стремлений не только присоединиться к антиосманской коалиции, но и вообще оказать Речи Посполитой какую-либо помощь [Koparski, s. 67–71, 74, 76; Wójcik, 1983, s. 294–295].

Неудивительно, что на пути к реализации проекта скоро стали возникать трудности.

Первоначально, однако, все складывалось как будто благоприятно. Н. Алексеев, беседовавший в феврале 1680 г. с австрийским резидентом И. Жеровским, сообщал с его слов, что на генеральной раде «все свои совершенно будто отложили запросы» и желают «случить войска нынешнею весною» и резидент заверил, что император готов присоединиться к польско-русскому союзу, «а от цесаря полная мочь дана тому резиденту»¹¹⁶. И, по наблюдению самого русского гонца, вся Речь Посполитая «безмерно желает слученя»¹¹⁷. И дальше они смогут неприятеля «общим радением приводити к умирению». Предлагалось после заключения договора между государствами объявить о нем султану, чтобы тот «от войны отстал»¹¹⁸. Тем самым давалось понять, что цель русского проекта — добиться прочного мира с Османской империей, что явно расходилось с польско-литовскими планами «наступательной» войны.

¹¹¹ Там же. Л. 115–132 об.; [Замысловский, с. 53–54].

¹¹² РГАДА. Ф. 79. Кн. 195. Л. 126–126 об.

¹¹³ Там же. Л. 128 об.—132.

¹¹⁴ Там же. Л. 38 об.; [Замысловский, с. 54].

¹¹⁵ Тексты грамот см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 195. Л. 267–281.

¹¹⁶ Там же. Л. 353–353 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 355 об.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 101 об., 106–107.

Вместе с тем представление этого проекта показало, что посылавшиеся из Речи Посполитой сообщения вызвали в Москве совсем не ту реакцию, на которую в Варшаве рассчитывали. Возникла необходимость ознакомить русских дипломатов с реальной ситуацией, что и произошло на встрече, состоявшейся 8 мая. Сенаторы заявили, что заключение союза с Францией и Австрией — «дело нестаточное и неподобное»¹¹⁹. Как сообщил на «генеральной раде» австрийский посол, император не может заключить соглашение о союзе «без обнадеживания короля французского», крупные войска которого «стоят блиско рубежей цесарского величества». Ян Собеский через своего посла А. Морштена просил Людовика XIV, чтобы тот императора «дружбою своею обнадеживал», но вопреки тому, что ранее Собеский сообщал в Москву, посол «никакого обнадеживания цесарскому величеству римскому не упросил»¹²⁰.

В соответствии с наказом, И. А. Прончищев и Е. Украинцев стали добиваться встречи с французским послом и австрийским резидентом. Такие встречи состоялись 10 мая. Французский посол де Бетюн заявил, что о вступлении короля в антиосманский союз не может быть и речи и он не станет передавать русские предложения своему монарху. В отличие от него австрийский резидент заверял, что, если будет заключен союз, «цесарское величество подлинно от того не отстанет», согласился передать предложения императору, но с положительным ответом «не обнадеживает» и «просить он о том указу не смеет»¹²¹.

15 мая русских послов посетил И. Жеровский, сообщивший уже от имени своего правительства, что император не может заключить союз против османов из-за враждебных действий Франции¹²².

Таким образом, план создания большой международной коалиции, которая могла бы принудить Османскую империю к выгодному для союзников миру, не мог быть реализован.

Посольский наказ предвидел возможность такого развития событий. В этом случае следовало бы предлагать сенаторам условия соглашения о союзе, которые предлагались уже в Гродно. Это была бы договоренность о том, что государство, подвергшееся нападению, должно получить 20-тысячную военную помощь от союзника¹²³.

Так как уже на первом этапе переговоров польско-литовская сторона сняла требования территориальных уступок и субсидий, на первый план при обсуждении выдвинулись другие вопросы. Уже на встрече 5 мая сенаторы заявили, что Речь Посполитая желает заключения с Россией «наступательного союза», когда войска союзников атакуют бы неприятеля «в Волоской земле, по Дунай и за Дунаем» и в Крыму¹²⁴. Русские же дипломаты выражали убеждение, что если будет заключен союз на предложенных ими условиях, то султан «на сю сторону Дуная и войск своих не пошлет, и войны с обоими великими государями весть не похочет»¹²⁵. О расхождении точек зрения говорят отдельные детали русских предложений и реакция на них польско-литовской стороны. Так, в 13-й статье русских предложений указывалось, что о заключенном союзе следует известить султана. Сенаторы полагали, что этого делать не стоит. Начало войны должно стать для врага неожиданностью, и о союзе можно объявить, лишь «вышедши со всеми войсками в поле»¹²⁶.

Послы упорно выступали против предложений об участии русских войск в походе через Молдавию к Дунаю¹²⁷. Отказ аргументировался тем, что «от Киева до Волоской земли далней путь и великая пустота... прокормитца никоими мерами невозможно»¹²⁸. Отрицательную реакцию по схожим причинам вызывали предложения организовать большой поход на Крым¹²⁹. Как пояснял позднее папскому нунцию Е. Украинцев, в Крым «великим войскам зайтить... за разстоянием далняго пути чрез великие и безлесные и безводные степи невозможно»¹³⁰. События последующего времени, связанные с походами в Молдавию и на Крым в 80–90-е годы XVII в. и в начале XVIII в., показывают обоснованность столь осторожной реакции русских послов на широкие внешнеполитические планы политиков Речи Посполитой.

¹¹⁹ Там же. Л. 115 об.

¹²⁰ Там же. Л. 115 об.—116 об.; [Замысловский, с. 59–61].

¹²¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 131 об.—137 об.; [Замысловский, с. 61–62].

¹²² РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 179–180 об.

¹²³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 195. Л. 132–134.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 92 об.—93.

¹²⁵ Там же. Л. 142 об.—143.

¹²⁶ Там же. Л. 194 об.—195.

¹²⁷ Там же. Л. 151 об., 199.

¹²⁸ Послы указывали, что даже для армии у Киева «конские кормы привозят в обозы, добывая в пятидесяти и во сте верстах» (Там же. Л. 223 об.).

¹²⁹ Там же. Л. 152 об.—153.

¹³⁰ Там же. Л. 214 об.

Для этой сдержанности были и другие причины. Так, масштабное участие России в крупных военных действиях на Балканах не обещало ей каких-либо реальных выгод. Как заметили послы, в случае успеха Ян Собеский возвратит земли, завоеванные османами, и подчинит себе «Волоскую землю», а на долю царя Федора придутся одни «убытки»¹³¹.

Как представляется, оказывал воздействие еще один фактор. То, что происходило на переговорах, несомненно, вызывало сомнение в военно-политических возможностях Речи Посполитой. Кроме вопроса об общем характере союза («наступательном» или «оборонительном») предметом обсуждения стал вопрос о размерах военной помощи, которую союзники должны оказывать друг другу.

Русские послы последовательно настаивали на равноправном характере соглашения, когда стороны берут на себя равные обязательства¹³². Однако такой подход не устраивал польско-литовскую сторону. Польско-литовская сторона утверждала, что военная (или финансовая) помощь должна оказываться государем «iuxta proportionem suae potentiae». Польша мобилизует для войны 30–40-тысячную армию, в то время как в армии царя насчитывается 200–300 тысяч человек¹³³. Поэтому речь шла о том, чтобы царь направил на помощь Речи Посполитой 45–50-тысячную армию или сумму денег, достаточную для найма такого войска¹³⁴. Оно должно было участвовать в «наступательном» походе к Дунаю¹³⁵. Одновременно сенаторы заявили, что аналогичные обязательства по отношению к России польско-литовская сторона принять не может: тогда у короля «за зданием той помочи останутца самые малые войска»¹³⁶. А в дальнейшем сенаторы прямо заявили, что «нельзя тому и сстатца, чтоб взаимно королевскому величеству давать царскому величеству ратных людей или денги»¹³⁷.

Таким образом, обрисовывалась достаточно определенная картина. Русские войска (совместно с донскими и запорожскими казаками) должны были предпринять поход на Крым, а другая русская армия должна была присоединиться к польско-литовским войскам в Молдавии¹³⁸, и тем самым все эти войска должны были сыграть важную роль в войне, но о каких-либо приобретениях русской стороны в этой связи не говорилось и никаких обязательств по отношению к ней польско-литовская сторона не принимала. Ознакомившись с предложенными условиями, русские послы закономерно констатировали, что от такого союза русской стороне не будет ничего «кроме великой тягости войскам его государским и многочисленных его государской казне убытков»¹³⁹. Неудивительно, что в конце мая переговоры закончились безрезультатно.

За ходом переговоров внимательно наблюдали папский нунций и австрийский резидент, которые (по разным причинам) были заинтересованы в заключении русско-польского союза и начале войны союзников с Османской империей. Отсюда целый ряд попыток во время переговоров повлиять на русских послов, чтобы они согласились на польско-литовские условия.

Особую активность проявил при этом австрийский резидент. Посетив послов 20 мая¹⁴⁰, он убеждал их, что Ян Собеский хочет заключить союз «без всякого лукавства, и вымыслу и обману» и заверял, что папа и император «учнут того дела стеречь... и ни до какой вредности, чтоб было стороне царского величества убыточно, не допустят». Император, сообщил он, хотел бы присоединиться, но ждет результатов своих переговоров с Людовиком XIV. На следующий день состоялась встреча Е. Украинцева с папским нунцием Ф. Мартелли¹⁴¹. Нунций горячо поддерживал польско-литовские предложения о «наступательном» союзе, но Е. Украинцев в довольно резкой форме дал понять, что походы больших русских войск в Молдавию и Крым невозможны.

¹³¹ Там же. Л. 199.

¹³² Там же. Л. 143, 150–150 об., 198 об., 223.

¹³³ См. латинский перевод польско-литовского ответа на русские предложения: *Theiner A. Monuments historiques...* P. 202.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 83, 145–145 об., 159, 190 об.–191.

¹³⁵ Там же. Л. 149–149 об.; [Замысловский, с. 63–65].

¹³⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 200–200 об. См. также утверждение сенаторов, что у них нет средств и на посылку на помощь царю 20-тысячного войска: Там же. Л. 208.

¹³⁷ Там же. Л. 225–225 об.

¹³⁸ См. предложенный план войны: Там же. Л. 149–149 об., 230 об.–231.

¹³⁹ Там же. Л. 177 об.

¹⁴⁰ Запись разговоров послов с И. Жеровским см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 209 об.–211 об.; [Замысловский, с. 65–68].

¹⁴¹ Русская запись разговоров на встрече: РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 212–216. Донесения нунция: *Theiner A. Monuments historiques...* P. 206–207.

Встречу русская сторона попыталась использовать, чтобы постараться спасти свой план большой антиосманской коалиции. Е. Украинцев предлагал нунцию, чтобы папа французского короля от его планов «клятвою своею или иным каким запрещением отвратил». Однако в Европе второй половины XVII в. папа не обладал подобной властью. Нунций мог только ответить, что папа французского короля «в приязнь с цесарским величеством приведет». Затем последовал целый ряд встреч с И. Жеровским, который посетил послов 24, а затем 26 и 27 мая, убеждая согласиться на польско-литовские условия союза¹⁴². Пытаясь повлиять на русских дипломатов, он даже заверял их, что, когда будет заключен русско-польский союз, император хочет «всеми своими силами с неприятелем войну всчать», но успеха не добился. Характерно, что послы выразили опасение, что, получив такую помощь, польский король «почнет воевать с неприятелем слабо и нерадетельно».

9 июня послы выехали из Варшавы¹⁴³. Во время переговоров послы неоднократно отправляли в Москву отписки с сообщениями об их результатах. Такая отписка с констатацией, что их в Варшаве «держат... долго не будут», была послана в Москву 14 мая¹⁴⁴. В конце мая записи переговоров были отправлены в Москву со стольником Мих. Головиным¹⁴⁵. Наконец, еще одна отписка была отослана с дороги 18 июня¹⁴⁶.

Таким образом, к лету 1680 г. в Москве стало ясно, что задуманный план большой антиосманской коалиции невозможно реализовать, предлагаемые Речью Посполитой условия союза невыгодны, а надежность этой страны как серьезного военно-политического союзника вызывала сомнения.

Трудно сказать, в какой мере в Москве серьезно рассчитывали на союз с Францией, но на заключение союза с Австрией здесь, как представляется, рассчитывали, и посольство И. А. Прончищева было второй попыткой заключения такого союза. Тогда было бы возможно заключить союз и с Речью Посполитой. Образовавшаяся коалиция представляла бы серьезную военно-политическую силу. Но и на это теперь рассчитывать не приходилось. На заседании Боярской думы, состоявшемся 8 июля 1680 г., ее члены пришли к заключению, что император «безсилен и короля польского во всем слушает, и французского боится и от турка имеет по близости земель своих страх и вперед по тем причинам надеяться на него добре не мочно»¹⁴⁷.

На протяжении двух лет правительство царя Федора предпринимало попытки создать антиосманскую коалицию, опираясь на поддержку которой можно было бы добиться заключения мирного договора с Османской империей на благоприятных для русской стороны условиях. К июлю 1680 г. выяснилась нереальность этих планов, и теперь приходилось добиваться прекращения войны на тех условиях, которые будут возможны в сложившейся ситуации. В августе 1680 г. в Крым направился один из лучших русских дипломатов В. М. Тяпкин для переговоров с крымским ханом о заключении мирного договора.

Полученные результаты есть смысл сопоставить с суждениями Э. Вуйцика о русской внешней политике этих лет, изложенными в его специальном исследовании международных отношений в Восточной Европе середины — второй половины 70-х годов XVII в. Автор справедливо отмечает, что на переговорах зимой 1679 г. польская сторона выдвинула «нереальные» условия, а русская сторона не захотела их принять [Wójcik, 1976, s. 191]. Однако уже во второй половине 1679 г. в переговорах о союзе русская сторона более не была заинтересована, так как уже вела мирные переговоры с Османской империей [Wójcik, 1976, s. 203–204, 206]. Автор отмечает, конечно, приезд в Москву Ордина-Нащокина и его участие в переговорах и полагает, что внешне это была попытка взаимопонимания с поляками, но на деле это была демонстрация по адресу османов, с которыми переговоры о мире шли трудно [Wójcik, 1976, s. 219]. По конечному заключению автора, царское правительство не хотело никакого соглашения с Речью Посполитой, рассчитывая на скорое заключение мира с Османской империей [Wójcik, 1976, s. 226].

Проделанное исследование дает основание нарисовать иную картину. Э. Вуйцик прав, что во время войны между Россией и Османской империей в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. постоянно велись мирные переговоры, говорившие о стремлении русского правительства положить конец войне. Вместе с тем

¹⁴² РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 246–246 об., 272–276.

¹⁴³ Там же. Л. 347 об.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 195. Л. 418–421.

¹⁴⁵ Там же. Л. 499–503.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 196. Л. 348.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 199. Л. 15; [Замысловский, с. 75].

русское правительство желало заключения не какого угодно мира, а такого мира, который сопровождался бы серьезными уступками с османской стороны. Из разных источников в Москву поступала информация о значительных потерях, понесенных османской армией во время военных кампаний 1677–1678 г., и о том, что в Стамбуле не желают продолжения войны с Россией. Одновременно ход переговоров показал, что османская сторона при заключении мира не склонна идти на уступки. Возникал вопрос о возможных средствах давления на османов, чтобы, не прибегая к войне, заставить их пойти на уступки. Отсюда интерес советников царя Федора к проектам создания антиосманской коалиции, которая уже самим фактом своего образования побудила бы османских сановников пойти на заключение выгодного для союзников мира. Был, как видим, предпринят и ряд попыток добиться создания такого союза, о чем говорят и поездка И. В. Бутурлина в Вену, и вызов из монастыря А. Л. Ордина-Нащокина для участия в русско-польских переговорах, и проект союза, привезенный в Варшаву посольством И. А. Прончищева в 1680 г. (З. Вуйцик о нем совсем не упоминает). Лишь когда намеченные проекты не удалось реализовать, летом 1680 г. четко обозначился поворот к поискам мира без каких-либо уступок с османской стороны.

Если планам создания «большой» коалиции помешали некоторые общеевропейские факторы (прежде всего политика Людовика XIV), то препятствием к созданию русско-польского антиосманского союза стала «нереалистическая» (по выражению З. Вуйцика) политика правящих кругов Речи Посполитой. Ее особенностью было то, что, выдвигая планы «наступательной» войны против Османской империи, она добивалась участия России в этих планах в виде значительной военной помощи и субсидий. Вместе с тем аналогичных обязательств по отношению к России польско-литовская сторона брать на себя не желала и не предлагала России каких-либо выгод в случае заключения такого соглашения о союзе. Во время переговоров требования военной и финансовой помощи неоднократно сопровождались утверждениями, что Польско-Литовское государство не располагает большой армией и большими денежными средствами для ведения войны с Османской империей. Все это, как представляется, должно было вызывать сомнения в ценности возможного союзника и реальности его планов «наступательной» войны. Когда окончательно выяснилось, что Речь Посполитая настаивает на своих планах неравноправного соглашения, это стало еще одним важным фактором, побудившим русское правительство искать мира с османами без уступок с османской стороны.

Литература

- Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.
- Веселовский Н. И. Неудавшееся посольство в Крым стольника Василия Андреевича Пазухина в 1679 году. Одесса, 1912.
- Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.
- Копрева Т. Н. «Ведомство желательным людям» — из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 334–349.
- Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о вечном мире. М., 2008.
- Постников А. Б. Иноческое служение А. Л. Ордина-Нащокина и ветви его родового древа в Пскове. М., 2014.
- Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
- Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 61–75.
- Флоря Б. Н. Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 74–88.
- Konarski K. Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914.
- Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław etc., 1976.
- Wójcik Z. Jan Sobieski (1629–1696). Warszawa, 1983.

References

- Borisov, Yu. V.* Diplomatiya Lyudovika XIV [Diplomacy of Louis XIV]. M., 1991.
- Florya, B. N.* Peregovory mezhdu Rossiei i Rech'yu Pospolitoy o soyuze protiv osmanov (1673–1676 gg.) [Negotiations between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth of the Union against the Ottomans (1673–1676)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. № 1 (67). pp. 61–75.
- Florya, B. N.* Pohod osmanov na Rech' Pospolituyu v 1672 g. i Rossiya [March of the Ottomans on the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1672 and Russia]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. № 1 (71). pp. 74–88.
- Kochegarov, K. A.* Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 godah. Zaklyuchenie dogovora o vechnom mire [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680–1686. Conclusion of the Treaty of Perpetual Peace]. M., 2008.
- Konarski, K.* Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914.
- Kopreeva, T. N.* “Vedomstvo zhelatel'nyim lyudem” – iz avtobiograficheskikh materialov A. L. Ordina-Nashchokina [“The Department of the Desirable People” – from the Autobiographical Materials of A. L. Ordin-Naschokin]. In *Arheograficheskii ezhegodnik za 1964 god*. M., 1965. pp. 334–349.
- Postnikov, A. B.* Inocheskoe sluzhenie A. L. Ordina-Nashchokina i vetvi ego rodovogo dreva v Pskove [Monastic Ministry of A. L. Ordin-Naschokin and Branches of his Family Tree in Pskov]. M., 2014.
- Sedov, P. V.* Zakat Moskovskogo carstva. Carskiy dvor konca XVII veka [Decline of the Moscow Kingdom. The Royal Court in the Late Seventeenth Century]. SPb., 2006.
- Veselovskiy, N. I.* Neudavsheesya posol'stvo v Krym stol'nika Vasiliya Andreevicha Pazuhina v 1679 godu [Failed Embassy in Crimea of Stolnik Vasily Andreevich Pazukhin in 1679]. Odessa, 1912.
- Wójcik, Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław etc., 1976.
- Wójcik, Z.* Jan Sobieski (1629–1696). Warszawa, 1983.
- Zamyslovskiy, E. E.* Snosheniya Rossii s Pol'shey v carstvovanie Fedora Alekseevicha [Relations of Russia with Poland in the Reign of Fyodor Alekseevich]. SPb., 1888.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RUSSIAN PROJECTS ON ANTI-OSMAN COALITION

The Russian diplomacy attempts to create European countries coalition to fight Osman expansion in Eastern Europe are shown in the article.

Keywords: Russia, Osman Empire, Poland, Austria, France, anti-osman union